

Великая среда: последние часы земной жизни Христа

Начались последние часы земной жизни Христа. Совершается самое страшное предательство.

В этот день последний раз на службе читается молитва св. Ефрема Сирина «**Господи и Владыко живота моего**», совершается последняя перед Пасхой исповедь. Закончилось время нашего сосредоточения на себе, нашей работы над собой, теперь настает то время, к которому мы так долго готовились – весь пост. Теперь мы даже для самих себя уходим в тень, теперь мы полностью растворяемся в крестном пути Спасителя. Наши мысли, чувства, наши эмоции и переживание – все они там – от Гефсимании к Лифостротону и Голгофе.

Последний раз служилась сегодня Литургия Преждеосвященных даров, последний раз мы могли положить земные поклоны – теперь – только перед святой Плащаницей.

В центре Великой Среды помазание ног Христовых и страшное предательство Иуды. Христос в доме прокаженного. И приходит женщина с дорогим сосудом, в котором очень дорогое миро, и начинает возливать ему на голову. Она готовит Христа к погребению, она, возможно, все свои сбережения вложила в этот последний дар Богу.

«Миро представляло собой благовонную жидкость из масел и пахучих веществ, обыкновенно – из лучшего оливкового масла в соединении с благовонными смолистыми веществами вроде нарда или смирны и разных цветов. Алавастр это род мрамора, замечательного своей легкостью, прозрачностью и красотой. Из него готовились разные вазы, урны, курильницы и сосуды для хранения ароматических веществ. Помазание миром на Востоке употреблялось не только в смысле высшего значения, как при помазании царей и первосвященников, а и в обыденной жизни людьми богатыми и знатными, ради удовольствия. Помазывали обыкновенно волосы на голове, лоб, лицо, бороду, одежду (Пс. 22:5; 132:2; Еккл. 9:8 и др.), а в знак выражения особого почтения кому-либо – ноги.», пишет архиепископ Аверкий (Таушев).

А ученики (как мы узнаем из Евангелия от Иоанна, это был Иуда) впервые задают вечный вопрос – зачем купола, если голодают люди, зачем Богу Богово, когда человеку не все дано: «К чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим».

Так пишет об этом **епископ Василий Кинешемский**:

“Нам странно слышать эти холодные возгласы меркантильного расчета из уст учеников Спасителя. В них так мало любви к Учителю. Но нам станет понятна эта реплика, если мы обра-

тимся к Евангелию от Иоанна и узнаем, что слова эти сказаны Иудею Искариотом.“

Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор (Ин. XII, 6).

Так просто объясняет психологию Иуды святитель Иоанн Богослов.

Он был вор!

Человек алчный и корыстолюбивый, он присоединился к ученикам Господа, вероятно, в надежде на славу и богатство в будущем земном царстве Мессии. Мы знаем, что этой иллюзии не чужды были и другие ученики Спасителя, но в них она смягчалась и облагораживалась неподдельною любовью к своему Равви. У Иуды же, по-видимому, был один корыстолюбивый расчет.

Становится понятным, почему, обманувшись в своих надеждах и убедившись, что Иисус Христос не тот Мессия, о котором мечтал Иуда, вступая в кружок ближайших Его учеников, что Равви даже и не думает стать блестящим и богатым царем Израиля, но, напротив, решительно от этого отклоняется, уча, что Царство Его не от мира сего, что все труды и лишения, связанные со скитальческой жизнью апостольского кружка, по-видимому, грозят остаться без всякой награды, которую Иуда понимал только в земном смысле, – становится понятным, почему он пошел... к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его (ст. 10-11).

Иуда хотел хоть чем-нибудь вознаградить себя за понесенные труды и обманутые надежды.

Итак, алчность руководила этим человеком. Корыстолюбие залепило перед ним все перспективы духовного счастья, и, находясь около самого источника всякого духовного блага и радости, он не видел в Учителе ничего, кроме цены осужденного раба. Любовь к деньгам, к наживе довела его до преступления, величайшего в мире. Алчность родила это преступление. Алчность, быть может самая низкая страсть в списке людских пороков и в то же время самая могущественная по своему влиянию на жизнь мира.

*На земле весь род людской
читит один кумир священный...
Он царит над всей вселенной, —
Тот кумир — телец золотой!*

Вопрос об алчности, о ее противоядиях и о способах борьбы с нею и будет темой настоящей беседы.

Не забудем, что величайший преступник мировой истории страдал этой страстью и что почти в каждом человеческом сердце она занимает хотя бы маленький уголок. Это сообщает всему вопросу важность и жизненность для каждого из нас.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Мк. VIII, 36). Не можете служить Богу и маммоне (Мф. VI, 24), — сказал Господь.

Если и великие люди с громадными ресурсами духовных богатств, с широким кругозором, умные, талантливые, энергичные, находясь на высоте земного счастья, богатства и славы, при полной возможности удовлетворения самых прихотливых желаний, тем не менее: чувствовали тоску и неудовлетворенность, то разве это не красноречивое свидетельство ложно-

сти земного идеала счастья, состоящего в приобретении мирских благ? И разве не обманывает нас алчность, направляя наш труд и наши усилия в эту сторону?

Что же сказать о нас, слабых, серых, духовно неустроенных людях? Недовольство; неудовлетворенность у нас стали, кажется, заразною, повальной болезнью? В литературе появился даже особый тип так называемого нытика — человека, который только жалуется, стонет и ничего не делает.

«Мы — дачники... — говорит писатель Горький о русской интеллигенции, — мы суетимся, ищем в жизни удобных мест... и отвратительно много говорим... разве легко и свободно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?..»

Если в прежнее время эту неудовлетворенность жизнью наши писатели с легкой руки Байрона пытались задрапировать в романтическую тогу Чайльд Гарольда, заставляя предполагать в своих героях избранную породу людей, стоящих выше всех остальных и потому непонятых и тоскующих, то сейчас ни для кого из нас нет ни малейшего сомнения в том, что сущность этих русских чайльд гарольдов — просто кислятина. Это — не герои, это — нытики.

Недовольство — наша общая болезнь. Вряд ли можно было найти в России за последние двадцать лет много людей вполне довольных жизнью, и причина этого заключается в материалистическом понимании жизни, в желании найти свою долю счастья исключительно в области земных благ. Это стремление развивало алчность, желание как можно больше захватить в свое личное обладание, и в то же время требовало готового, дарового счастья без необходимых для этого усилий и

труда. Не получая желанного счастья, ибо на этом пути его не могло и быть, люди ворчали, жаловались, злобились, винили друг друга и, создавая общую атмосферу недовольства, отравляли свою и чужую жизнь.

Это недовольство, доходящее порой до отчаяния, до самоубийства — неизбежный результат материалистического понимания жизни. Та азартная борьба за счастье, или, говоря точнее, за материальное благополучие, которая особенно обострилась за последнее время, неизбежно разделяет людей на два класса — победителей и побежденных; победителей, достигших своей цели, оказавшихся на верхних ступенях жизни и упрочивших свое благополучие (богатство, в первую очередь), и побежденных, смятых в этой отчаянной беспощадной борьбе, оказавшихся слабее своих противников и не сумевших обеспечить для себя сытного места под солнцем. И те и другие несчастны и неудовлетворены. Побежденные проникнуты завистью к своим счастливым соперникам и злобой на свою судьбу. Победители, добравшись до верху, с досадным разочарованием убеждают, что достигнутое ими положение вовсе не так заманчиво и блестяще, как оно казалось снизу, в мечтах, когда представляло лишь отдаленную цель, и что не стоило оно тех трудов и лишений, которые пришлось перенести, чтобы до него добраться. К этому надо присоединить еще постоянное беспокойство за прочность достигнутых успехов и тяжелое сознание направленных против них злобы и зависти, возбужденных этими успехами в душе побежденных.

Создается общая атмосфера вражды, злобы, недоверия, подозрительности, и все это отравляет жизнь. В материалистическом понимании жизни лежат корни всех социальных катастроф и брожений”.

Вот где коренится причина нашего недовольства жизнью, зависти. Это коварнейшее чувство, построенное, как наблюдают многие, на обмане – причина зависти и неудовлетворенности не вне нас, а внутри, что бы мы ни получали, это чувство только прогрессирует.

Так пишет об этом святитель Иоанн Златоуст:

“Нет ничего беззаконнее сребролюбивого».

Действительно, такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней – горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, чрез которое нельзя приобрести денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых: бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства.

Он думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех. Наоборот, свободный от всего этого и любящий истинную мудрость, счастливее всех.

Добродетельный, будет ли он рабом или пленником, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись все с оружием и войсками и стали воевать против него. Негодный же и злой человек, и такой, какого мы описали, хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может

потерпеть от всякого величайшие несчастья. Так бессильна злоба! Так сильна добродетель!

Что же ты печалишься находясь в бедности? Для чего рыдаешь в праздник? Это время – время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бедность составляет для тебя торжество, если только ты благоразумен. Для чего горько плачешь, дитя? Подлинно, такого должно назвать дитятею. Бил ли кто тебя? Что ж? Он сделал тебя чрез это терпеливее. Отнял ли кто у тебя деньги? Отнял излишнее бремя. Лишил ли славы? Опять ты говоришь мне о другом виде свободы.

Послушай, как об этом рассуждают язычники; они говорят: ты не претерпел никакого несчастья, если только не присваиваешь его себе. Отнял ли кто у тебя большой и укрепленный оградами дом? Но вот пред тобою вся земля, общественные здания, – употребляй их, как хочешь, – на увеселение или на пользу. Что приятнее и прекраснее тверди небесной? До каких пор вам быть нищими и бедными? Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душою.

Мы более всего желаем того, в чем наиболее имеем нужду, так как от нужды происходит желание. Где же довольство, там не может быть желания. Мы тогда особенно томимся жаждою, когда ощущаем нужду в питье. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будем бодрствовать, то никто не может сделать нам вреда, и что не от бедности, а от нас самих бывает нам вред.

Напрасно мы ждем от Него земной славы.

И вот Иуда предает Христа на смерть:

“Тогда шед един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искариотский, ко архиереом, рече: что ми хотите дати, и аз вам предам Его?” –

“Тогда”: Этим словом выражается не столько последовательность событий, сколько их внутренняя логическая связь.

Иуда ожидал от Господа Иисуса Христа земных благ, мирского богатства и владычества: Его корыстолюбие теряло терпение, видя полную нестяжательность Учителя: он начал сам вознаграждать себя из ковчежца, тайно присваивая себе вмещаемые в него пожертвования, по свидетельству Евангелиста Иоанна (Иоан. 12:6).

Случай в доме Симона прокаженного окончательно дал ему понять, что он напрасно ждет обогащения от Учителя добровольной нищеты и самоуничижения. Досада на Господа, обманувшего, как ему казалось, его надежды, и желание использовать хоть какой-нибудь случай к наживе, сделали его предателем.

Уже зная о решении синедриона схватить Господа, он сам пошел к первосвященникам, чтобы предложить им за деньги свои услуги – предать им Господа без народа, в уединенном месте. “Что ми хотите дати?...” – эти слова указывают на его досаду и злобу против своего Учителя, которого он решил во всяком случае предать, не споря о цене. Поэтому ему и назначают в общем совсем ничтожную сумму – цену беглого раба – “тридцать сребреник”, т.е. тридцать серебрянных, так называемых “священных сиклей”, в каждом из которых было всего по 80 копеек приблизительно, а всего, следовательно, около 24 рублей серебром. Такую цену положили, по-видимому, чтобы показать все свое презрение к Господу Иисусу Христу, и в расчете на скупость и сребролюбие предателя, который не станет торго-

ваться. И Иуда действительно оказался сговорчивым, не требовал большего, и “оттоле искаше удобна време, да Его предаст”, Удобного случая, т.е. такого, когда можно будет схватить Иисуса наедине, без обычно окружавшего Его народа. Назначением такой цены исполнилось пророчество Захарии в 11:12-13 о 30 сребренниках, коими неблагодарный народ оценил отеческое попечение о нем Иеговы”.

Традиционно, в Великую Среду совершается исповедь, завтра, в Великий Четверг, православные готовятся приступить к Святой Чаше, завтра Христос, перед судом и распятием, установит для нас таинство Святого Причащения.

